

Б.И.Коваль

Кое-что о жанре портрета в отечественной латиноамериканистике

Творческое наследие, нынешнее состояние, перспектива

В статье впервые рассматривается роль портретирования как особого жанра политологии, высказываются некоторые соображения о развитии этого метода.

Ключевые слова: портрет, проблема праксиологии и психоанализа, современные достижения латиноамериканистики в России.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Жанр портрета в широком смысле претендует на выявление невидимой *внутренней энергии оригинала* при помощи сотворенного художником *визуального образа*. Иногда «картинка» сознательно или по неумению искажает действительное. Иначе говоря, естественный оригинал всегда уникален, а его воображаемых имиджей может быть много. Портрет — это не оригинал, но он все же позволяет приблизиться к первоисточнику. Не потому ли издревле в живописи, литературе и гуманитарных науках особое распространение получили портреты монархов и полководцев, героев и других выдающихся персон?

Зайдите в любой музей изящных искусств, и вы увидите десятки и сотни ликов царей, придворных, министров, генералов и других *vip*-персон — по грудь, по пояс или во весь рост, — гордо восседающих на тронах или прекрасных жеребцах, окруженных толпой милых домочадцев и гончих псов. Талантливые художники умели не просто изящно копировать внешность героев, но без слов раскрывать потаенные уголки их душевного состояния, их достоинства и пороки, страдания и намерения.

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (t.b.koval@yandex.ru).

Большинство же посредственных рисовальщиков ограничивались так называемыми дворцовыми портретами — пышными и торжественными, но насквозь парадными и лживыми. Правдивых и тонких мастеров обычно не жаловали, а иных же вознаграждали деньгами и орденами. Таким «умельцам» теперь и того проще: бери цветную фотографию и «клонировать» ее в свое удовольствие: и заказчик доволен, и сам при деньгах.

Лишь наиболее вдумчивым и талантливым исследователям силой мысли удается «прорисовать» то, что сокрыто под яркими одеждами и громкими словами, защищено официальным «бронезилетом» высокого социального статуса или покрывалом фальшивых восторгов и комплиментов. Так же нелегко пробиться к правде сквозь толстый слой всякого рода компроматов и очернений. Сдается мне, что в сегодняшней ситуации увлечение портретистикой — дело особенно трудное и даже опасное: довлеет страх попасть в число диссидентов или нарушить приличия политкорректности. Разумеется, и в прежние времена действовал принцип «самоограничения» творческого порыва, но в советских условиях роль «охранителя морали» играли идеологические установки. И тем не менее, если говорить об отечественной латиноамериканистике, отдельные ученые создавали яркие и правдивые портреты выдающихся исторических деятелей. Вот почему я с большим уважением, но одновременно и с некоторой печалью, вспоминаю, как этот жанр развивался в СССР всего 30—40 лет назад.

Возьмем исторические работы. Сразу поражает серия великолепных портретов, созданная академиком Иосифом Ромуальдовичем Григулевицем. Одни любят и уважают этого крупного ученого, питаются его идеями, другие обвиняют во всяких реальных и надуманных грехах «разведкоминтерновского происхождения». Никто, однако, не может отрицать великий талант и исключительную работоспособность этого незаурядного человека. Только одних портретов, не говоря о десятках книг по проблемам истории и религиоведения, он написал полдюжины: здесь мы видим и образ Панчо Вильи, и фигуру Бенито Хуареса, и характеры Эрнесто Че Гевары и Сальвадора Альенде, Франсиско де Миранды, Хосе Марти, Хосе Давида Сикейросы. Может, я что-то пропустил, но и этих работ достаточно, чтобы оценить вклад И.Р.Григулевича в советскую науку¹.

До него, еще на заре отечественной латиноамериканистики XX в., метод портретирования ярко проявился в статьях ее родоначальника — Владимира Михайловича Мирошевского о Франсиско де Миранде, Хосе Карлосе Мариатеги и Луисе Карлосе Престесе. Я не буду приводить полный список трудов Владимира Михайловича Пестковского (Мирошевский — это его псевдоним), проще взять в руки библиографический справочник «Советские и российские латиноамериканисты», изданный Институтом Латинской Америки РАН в 2011 г. (отв. редактор-составитель В.М.Тайар).

В послевоенные годы правдивые портреты создали Семен Александрович Гонионский (Аугусто Сесар Сандино), Василий Иванович Ермолаев (Луис Эмилио Рекабаррен), Моисей Самуилович Альперович (Франсиско де Миранда, Хосе Франсиа). Серьезное внимание жанру портрета уделяли в трудах более общего характера Николай Матвеевич Лавров, Лев Юрьевич Слезкин, Анатолий Федорович Шульговский, Сергей Иванович Семенов, Кива Львович Майданик, Серго Анастасович Микоян, Элида Эдуар-

довна Литаврина, Александр Иванович Строганов, Владимир Александрович Кузьмищев и другие историки.

Я вспоминаю имена этих дорогих моему сердцу коллег и друзей с особым теплом и благодарностью. Лучшие образцы их творчества в сфере портретирования отличались высоким качеством деликатного и честного раскрытия внутреннего ядра личности, так сказать, души человека. Они правдиво, но тактично писали и о бездушии, гордыне и глупости отдельных исторических персонажей, хотя были вынуждены почти постоянно прибегать к иносказаниям и намекам. Читатель сам должен был обладать известным даром воображения и понимать «эзопов язык».

Заслуга наших ветеранов латиноамериканистов в том, что они существенно *очеловечили историю* Латинской Америки, наполнив ее широким экзистенциальным смыслом. Нельзя не видеть на этих работах и известного налета традиционного подхода. Это выразилось, в частности, в том, что большинство портретов посвящалось революционным героям. Однако всегда доминировали подлинная научность и правдивость. Это великое творческое наследие мы призваны хранить и развивать.

К чему я это все вспоминаю? Да только к тому, чтобы более выпукло обозначить состояние и место жанра на современном этапе. Разумеется, многие отечественные ученые и теперь используют этот жанр, но чаще всего не специально, а, так сказать, по ходу пьесы. И это хорошо, но явно недостаточно.

За последние 30—40 лет, особенно после перестройки, в России произошли существенные перемены в общественном сознании: категорическое отрицание капитализма сменилось надеждой на возможное утверждение «буржуазного рыночного общества с человеческим лицом». В социальных науках вперед выдвинулись политологические исследования, свободные от старых, но не новых «партийных» ограничений. В условиях «идеологического вакуума» в центр внимания вышли институционально-системные проблемы.

Жанр портретирования и прочие житейские аспекты отодвинулись в тень. Исторические фигуры оказались оттеснены персонами действующих политических лидеров. Однако «рисовать» портреты слишком ответственно, проще публиковать панегирические полудворцовые «портретики» либо метать смелые стрелы проклятья и обвинений против тех персон, каковые представляются кому-то вредными и опасными.

Основным источником сведений о текущих социальных процессах ныне является Интернет, а работать с ним крайне трудно из-за необъятного массива информации. Ее избыток часто хуже, чем нехватка. Перенасыщение фактами подавляет, а не стимулирует собственную мысль. Легче интересно и подробно рассказать о самом событии, чем разбираться с характером и настроениями действующих лиц. Иначе говоря, информация настойчиво претендует на то, чтобы заменить собой анализ.

Основной корпус нынешних политологических разработок в России отличается явным праксиологическим (практическим) характером. Советская общественная наука и прежде была нацелена на практическую ценность анализа, но тогда она развивалась в жестком «корсете» идеологии и строилась строго по марксистским лекалам. Теперь сама практика, а, следовательно, и политология «освободились» от гегемонии идеологии (во всяком случае формально), т.е. стали «чистой» праксиологией в духе позитивистской философии Огюста Конта и Макса Вебера.

Напомню, что М.Вебер требовал от исследователя сугубо отвлеченного размышления, полагая, что «там, куда человек науки приходит со своими собственными суждениями, — уже нет места полному пониманию фактов»². Ученый, утверждал Вебер, обязан не думать самостоятельно, не строить «собственные» умозаключения, а ограничиваться «чистой» фактологией. Но вопреки этому нелепому требованию сам Вебер высказывал свободно только *свои*, а не чужие и кем-то утвержденные мысли. К сожалению, по ложному пути описания до сих пор предпочитают идти многие «научники».

Во времена СССР почти все сознательно не допускали «самомыслия», постоянно прикрываясь щитом из цитат «классиков марксизма-ленинизма» и партийных документов. *Личное мнение* априорно воспринималось как неверное и опасное. Боязнь впасть в «ересь», нарушить завет Конта — Вебера — вот, что и сегодня сдерживает свободу политологического анализа. В этих условиях особенно трудно развивать жанр портретирования конкретного политического деятеля. Тут сторонним мнением и официальными бумагами не обойтись. Для ювелирного портретирования нужно обладать не только особым желанием, но и склонностью к психо-эмоциональному анализу, искренним интересом к выявлению душевного склада и характера избранного героя. Уметь «влезть в его шкуру», угадать его настроение, почувствовать духовный настрой именно *личности*, а не технического функционера от политики или экономики. В противном случае вместо живых портретов получаются противные рожи и даже хари.

С учетом этих соображений можно понять, почему в нашей латиноамериканистике собственно политическим портретированием сегодня целенаправленно занимаются всего несколько человек. То есть многие, конечно, используют жанр портрета, но чаще всего лишь в качестве дополнения к анализу. В группу ученых, склонных к искусству портретирования, по моему мнению, входят: Эмиль Суменович Дабагян, Николай Сергеевич Леонов, Людмила Семеновна Окунева, Ольга Николаевна Докучаева, Владимир Алексеевич Бородаев, Александр Иванович Сизоненко, Людмила Владимировна Дьякова, Наилия Магитовна Яковлева, Борис Николаевич Комиссаров, Лазарь Соломонович Хейфец, Виктор Лазаревич Хейфец, Борис Федорович Мартынов, Збигнев Владиславович Ивановский, Евгений Александрович Ларин. Вот, пожалуй, и все. Возможно, кого-то я не упомянул, за что искренне прошу извинения.

В этой статье я вовсе не собираюсь анализировать все их публикации, ибо пишу не рецензию, а свободно рассуждаю о жанре портрета в целом. Поэтому позволю ограничиться общим впечатлением о трудах только двух исследователей, которые специально занимаются этим делом, — Э.С.Дабагяна и Л.С.Окуновой³. У каждого — свой почерк, своя манера думать и писать, но есть и некоторое общее качество: они всерьез увлечены политическим портретированием и жаждут снять с избранных выдающихся персон официальные мундиры. Э.С.Дабагян написал цикл работ о шести президентах: Рикардо Лагосе (Чили), Альберто Фухимори (Перу), Уго Чавесе (Венесуэла), Висенте Фоксе (Мексика), Несторе Киршнере (Аргентина) и Луле (Бразилия). Л.С. Окунева создала интересные портреты двух бразильских президентов — Луиса Инасио Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф.

Все семь портретов, а это не мало, прорисованы весьма профессионально и содержательно. Удачно выписаны биографии избранных героев, приведены все необходимые сведения об их образовании и карьере вплоть до

избрания президентами и деятельности на этих постах. Впечатляет картина напряженной борьбы за власть, их умение вести полемику, стойкость в осуществлении задуманных планов преобразований. На каждом этапе авторы-портретисты выявляют объективные и субъективные обстоятельства противоборства, волевые и интеллектуальные качества изображаемых персон. Объемно представлена вся сцена социально-экономического и политического развития каждой страны, структура общественных отношений, состояние гражданского общества, межпартийное соперничество и т.д. Одним словом, *политпраксиологическая* часть задачи выполнена отлично. Рассмотрим портреты Чавеса и Лулы более подробно.

Портрет Уго Чавеса в исполнении Э.С. Дабагяна

В центр анализа автор ставит идею патриотизма, которую сформулировал почти 200 лет тому назад великий сын Венесуэлы Симон Боливар, но не в ее историческом оригинале, а в той трактовке, которую предложил Уго Чавес. Этот человек творчески развил и осовременил смысл патриотизма, доведя его до концепции «венесуэльского социализма XXI века».

Э.С.Дабагян отмечает, что поначалу Чавес мечтал о возможности сращения (конвергенции) социализма с капитализмом по формуле: «столько государства, сколько необходимо» и «столько рынка, сколько возможно»⁴. Определять формы и доли этого симбиоза способно лишь революционно-демократическое избранное народом правительство самого Чавеса. Обнаружив, что без сильной авторитарной власти добиться этой цели невозможно, Чавес и на этот раз обратился к опыту Боливара, который, будучи приверженцем демократии и «моральной власти», все же оказался, по его собственному признанию, вынужденным только по «настоятельной необходимости вкупе с повелительными требованиями народа» возложить на себя «обязанности Диктатора, Верховного Правителя Республики»⁵.

Дабагян приводит слова Чавеса о том, что страна «находится на этапе перехода к посткапитализму, который можно именовать предсоциалистическим»⁶. Пройти этот путь без сильной «личной власти» невозможно, поэтому Чавес по примеру Боливара встал на путь авторитаризма. В своих выступлениях перед народом Чавес удачно соединил славу Боливара с авторитетом Иисуса Христа, заявив, что оба Спасителя не только защищали бедных людей, но выступали за идеал справедливого общества и искоренение всякого зла на земле. Я думаю, что такое воззрение сложилось не без воздействия «теологии освобождения». В конечном счете Э.С.Дабагян приходит к выводу, что в личности Чавеса и его деятельности проявились самые различные взгляды и позиции — от патриотизма и христианства до политического прагматизма и авторитаризма.

Мы привыкли смотреть на всякий «режим личной власти» критически, видеть в авторитаризме явление недемократическое и потому вредное и антигуманное. Но это — одна сторона дела. Другая состоит в том, что только благодаря сильной воле и принципам мобилизационного управления Чавесу удалось поддерживать определенное социальное равновесие, бороться с бедностью и коррупцией, развивать образование, укреплять военно-промышленный потенциал Венесуэлы и противостоять гегемонизму США. Таким образом, как я понимаю, в сознании и психике Чавеса-лидера органично переплелись в один сложный клубок сразу несколько идеалов и

принципов из разных эпох: патриотизм Симона Боливара, опыт военно-революционных режимов 70—80-х годов XX в., установки кубинской революции и повстанческого движения в других странах континента, романтическое восприятие учения Иисуса Христа и «теологии освобождения», увлечение просоциалистическим мессианизмом и популистским альтруизмом в борьбе против бедности, за социальную справедливость. Все это слилось воедино в концепцию «венесуэльского социализма XXI века». Такой синтез был способен произвести только человек выдающегося революционно-творческого типа. Таковым и был Уго Чавес.

Сейчас нет необходимости рассматривать международную политику Чавеса, отношения его правительства с Россией, Кубой и США — это особая тема. Достаточно и того, что уже написано. В итоге я прихожу к выводу, что Э.С.Дабагяну удалось создать правдивый и стереоскопический образ Чавеса, за что автора можно только поблагодарить. О некоторых просчетах я говорить не буду: ведь я пишу не рецензию, их и так хватает.

Портрет Лулы в исполнении Л.С.Окуневой

Фигура Луиса Инасио Лулы да Силвы имеет для Бразилии особое историческое значение, сравнимое по масштабу, пожалуй, только с персоной президента Жетулиу Варгаса. Я специально не изучал ни образ Чавеса, ни Лулы и потому опираюсь сейчас только на квалифицированные размышления моих коллег и друзей Э.С.Дабагяна и Л.С.Окуневой. Чавесу, как я понял, особенно в последние годы его президентства, было присуще некое особое чувственно-ментальное состояние, которое можно называть боливарианским мессианизмом, т.е. внутренней верой в свою особую миссию, вложенную в него судьбой или Богом. Я говорю не о религиозном мессианизме, а о его политическом воплощении. Это состояние рождается чаще всего именно в обстановке национально-патриотического подъема или в эпоху расцвета тоталитарных режимов.

Для политического мессианизма необходимо наличие трех факторов одновременно: кризисная ситуация, появление на сцене харизматического лидера, возбуждение масс и их готовность к активному поведению. Подобным чувством мистического мессианизма Лула, как мне кажется, не обладает. Он вырос на дрожжах опыта борьбы рабочего движения в Бразилии за социальную справедливость и благосостояние народа. В этом Лула видел свой гражданский долг. Окунева подробно рассказывает о том, почему и как малограмотный рабочий-металлист благодаря недюжинной энергии, смелости и неискоренимому чувству товарищества везде, где бы он ни работал, приобретал в коллективе большое уважение и авторитет.

Когда в Бразилии был установлен реакционный военный режим (апрель 1964 г.), Лула трудился на заводе «Industrias Vilaras», где и вступил в профсоюз. Под влиянием старшего брата Жозе, члена подпольной компартии Бразилии (Partido Comunista do Brasil, PCdoB), он приблизился к политическому возмужанию. В 1967 г. рабочие избирают его в руководство профсоюзной организации, а спустя восемь лет, в 1975 г., он становится председателем профсоюза металлургов всего индустриального пояса Сан-Паулу.

Автор-портретист анализирует политическое и моральное развитие Лулы, акцентируя внимание на самых важных этапах его биографии. Отмечу лишь ряд важных деталей этого процесса. Л.С.Окунева сообщает, напри-

мер, о том, что определенное влияние на формирование сознания и дальнейшее поведение Лулы оказала (так же как и на Чавеса) «теология освобождения». Один из основателей этой философии — бразильский монах-доминиканец Фрей Бетто — был личным советником Лулы.

Чему же монах учил Лулу? Не только вере, но возможности и пользе сближения христианского учения с активной борьбой за счастье простого народа и совершенствование общественной жизни. «Ответственность за отсталость и бедность, социальную несправедливость, — писал Фрей Бетто, — несет отнюдь не Бог. Наоборот, он желает людям благополучия. Сам Иисус говорил: «Я пришел для того, чтобы (люди) имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Исцеляя немощных, движимый глубоко нравственными побуждениями, он совершил в определенном смысле подрывные действия и погиб как политзаключенный»⁷.

Мне представляется, что именно такая религиозно-гуманистическая установка «теологии освобождения» и легла в основу ориентации Лулы. Об этом Л.С.Окунева прямо не говорит, но думаю, в принципе, согласится с моей точкой зрения. Разумеется, Лула интересовался и марксизмом, тайно поддерживая через брата контакты с PCdoB.

Сошлюсь на собственный опыт. В 70—80-х годах я работал в Институте общественных наук при ЦК КПСС с группой бразильских коммунистов. Все они приехали в СССР под вымышленными именами нелегально, так как PCdoB была запрещена. Так вот, среди них было два или три человека из ближайшего окружения Лулы в руководстве профсоюза. Состояли ли они формально в компартии или симпатизировали ей, я не знаю. Да это и неважно. Это были его самые доверенные люди. Они отличались от других слушателей особой настойчивостью и явно критическим настроением по отношению к стратегическому курсу PCdoB на вооруженную борьбу против диктатуры. На семинарах они отмечали, что в условиях Бразилии повстанческие действия геваристского типа обречены на провал, поэтому в борьбе с военным режимом надо не выходить за рамки легальных социальных и политических действий и добиваться гражданской консолидации всех демократических и антидиктаторских сил.

Такая линия Лулы раздражала руководящее ядро коммунистов, хотя многие из них, включая Генерального секретаря PCdoB Луиса Карлоса Престеса, также склонялись к «мирному типу революции». Престес в эти годы находился в эмиграции в СССР. Внутренние споры привели к расколу партии. Часть коммунистов под руководством члена ЦК партии Карлоса Маригеллы встала на путь «революционной городской герильи», другая часть шла за Престесом и вела подпольную политическую работу, третья колебалась⁸.

На этом фоне популярность Лулы, его умная и гибкая линия по объединению всех прогрессивных сил дали позитивные плоды. Как рассказывает Л.С.Окунева, в 1980 г. Луле после трудной борьбы удалось создать «свою» политическую организацию — Партию трудящихся (Partido dos Trabalhadores). Это была, можно сказать, неопопулистская организация, своеобразный патриотический фронт. Окунева делает следующий глубокий вывод: «Партия трудящихся стала совершенно новым явлением в политической жизни не только Бразилии, но и в мировом масштабе, в сообществе традиционных левых партий того времени»⁹.

В итоге вокруг Лулы и его сподвижников постепенно сплотились силы широкого и не скованного строгой идеологией антидиктаторского движения — от ультралевых до социал-демократических и умеренных слоев, от сторонников «теологии освобождения» до «мирного крыла» PCdoB и профсоюзов. Такой идейно-политический плюрализм в конечном счете сыграл решающую роль в победе Лулы на президентских выборах 2002 г. Впервые в истории страны высший пост в государстве легальным и конституционным образом занял поистине «народный президент».

Л.С.Окунева подробнейшим образом анализирует титаническую работу Лулы на посту президента и объясняет смысл его курса на «социальный контракт нового типа»¹⁰ — широкий консенсус демократических и патриотических сил страны вне зависимости от их социального статуса и идеологии. Главные задачи, которые ставил перед собой Лула, — ликвидация голода в Бразилии, стабилизация демократии, устойчивое экономическое развитие и «гражданский мир», — были им успешно выполнены. «Почему мы хотели прийти к власти?», — спрашивал Лула в интервью газете «El País» в октябре 2013 г. И отвечал: «Не для того, чтобы повторять то, что делали другие, а для того, чтобы действовать по-иному... Я горжусь тем, что я сделал в своей жизни»¹¹.

Л.С.Окунева глубоко и ярко раскрыла нам «феномен Лулы». За что ей следует искренне сказать большое спасибо!

ПЕРСПЕКТИВА

После внимательного прочтения работ Э.С.Дабагяна и Л.С.Окуневой у меня сложилось четкое впечатление, что созданные ими политические портреты войдут в «золотой фонд» отечественной латиноамериканистики. Видимо, судьбы Чавеса и Лулы, их неудачи и победы, переживания и радости, устремления и деяния как бы подталкивали «портретистов» фиксировать их жизнь не только с политической, но также с широкой экзистенциальной позиции. Эти фигуры просто не умещались в жесткое ложе плоских политических портретов. Они ни на миг не теряли личностных душевных и интеллектуальных качеств, жили не только в президентских хоромаш, так сказать, «сверху» общества, а оставались и харизматиками, и обычными людьми со своими человеческими добродетелями и грехами, даром духовно-эмоционального влияния на других, склонностью к рискованному и самостоятельному поведению, не ограниченному президентским статусом.

И тем не менее складывается впечатление, что все семь президентов, о которых рассказали нам Э.С.Дабагян и Л.С.Окунева, действовали все же в некоем гордом и «горнем» одиночестве. Характеры их друзей и противников просвечиваются слабо. Все развивается как бы в створе кем-то заранее предопределенного поведения, некой мистической судьбы, если не сказать, по воле Бога. Все изгибы и формы поведения героев выглядят как естественные и единственно возможные события — вроде, так все и должно было быть.

В заключение выскажу ряд соображений по поводу перспектив развития политической латиноамериканистики в России. Она в настоящее время переживает непростые времена. Резко сократилось число опытных и маститых ученых, не ясен сам статус академических институтов. Реформация под знаменами ФАНО буксует и по сути дела сводится к сокращению кадров, удушению научных советов по защите кандидатских и докторских

диссертаций, развалу аспирантуры как школы подготовки специалистов. Не хватает средств на публикацию готовых исследований. Система грантов носит закрытый и усложненный формальными требованиями характер.

Честно сказать, у меня укрепляется ощущение, что политическая латиноамериканистика уже некоторое время топчется на месте: повторяются темы, не обогащается методология, сохраняется гегемония «позитивистской» праксиологии. Надо что-то делать, но что? Вот вопрос. Думается, что назрела необходимость, не отказываясь от традиций, поискать некие новые ориентиры...

Политология в России является самой молодой отраслью гуманитарной науки: ее возраст не превышает 50—60 лет. Однако она уже твердо стоит на ногах, заняла почетное место и завоевала уважение в собственных дисциплинарных рамках. Она все чаще, как ветви растения, пробивается наружу в поисках большей свободы и нового пространства. О каких же новых ориентирах я размышляю? И уверен, не только я. Я имею в виду назревшую необходимость внедрения в политический анализ неполитических, внеполитических и даже антиполитических измерений — духовных, моральных, психологических, экологических, религиозных и всех иных. Именно применение такого широкого *экзистенциального подхода* способно заместить собой тот *идеологический вакуум*, который образовался в последние десятилетия во всей общественной жизни. Иначе говоря, политология XXI в. должна выйти за собственные профессиональные ограды. Широкая ориентация, по-видимому, должна проявиться и в сфере методологии, расширяться до такой степени, чтобы допускать свободу множественности принципов размышления — материалистических, религиозных, мистических, фантастических, эзотерических и прочих. Такая синергия различных форм разумения является не слабостью, а силой будущей науки. Примером такого синтеза может служить теория ноосферы, разработанная Владимиром Ивановичем Вернадским и Пьером Тейяром де Шарденом.

Такой мне видится желаемая перспектива всей политической науки. Для подобного внутреннего преобразования понадобятся годы и даже десятилетия, огромная сила воли и напряженная работа ума, синергия усилий ученых всего мира, но иного пути совершенствования политического процесса и науки политологии нет.

Возможно, я ошибаюсь, поэтому искренне хотел бы узнать мнение уважаемых коллег на этот счет...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

¹ Б.И.К о в а л ь. Портреты историков-латиноамериканистов. (Слово о моих наставниках и друзьях). К 45-летию Института Латинской Америки РАН. М., 2006 г. [B.I.Koval.Portreti istorikov-latinoamerikamistov. Slovo o moih nastavnikah i druziah]. K 45-letiyu Instituta Latinskoy Ameriki RAN] [The portraits of the historians-latinamericanists (A Word about my Mentors and Friends). Devoted to the 45 Anniversary of the Institute of Latin America RAS. Moscow, 2006.

² М.В е б е р. Избранные произведения. М., 1990, с. 723. [M.Veber. Izbrannye proisvedeniya] M.Veber. Selected works. Moscow, 1990, p.723.

³ Л.С.О к у н е в а. Бразилия: взлет и падение Фернандо Коллора. М., 1993; [L.S.Okuneva. Brazilya: vzliot i padenye Fernando Kollora] [Brazil: Rise and fall of Fernando

Kollar]. Moscow, 1993; Л.С. Окунева. Президент Бразилии Ф.Э. Кардозо: Взгляды ученого и политика реформ. (1995—2002). [L.S. Okuneva. Prezident Brazili F.E.Kardozo: vzglyadi uchionogo i politika reform. (1995—2002)] [The President of Brazil F.E.Cardozo: The views of a scientist and the politics of reforms (1995-2002)]. — В мире лузофонии. СПб., 2003 [V mire luzofonii]. [The World of Lusophonia.]. SPb., 2003; Л.С.Окунева. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва. [L.S.Okuneva. Prezident Brazili Luis Inasiy Lula da Silva] [The President of Brazil Luis Inacio lula da Silva]. Год планеты [God planeti]. М., 2003; Л.С.Окунева. Человеческое измерение политического лидерства: психологические портреты президентов Бразилии (Л.И.Лула да Силва и Д.Руссефф). — Ибероамериканские тетради. М., 2014, № 3 (5). [L.S. Okuneva. Chelovocheskoe izmerenie politicheskogo liderstva: psichologicheskie portreti prezidentov Brazili (L.I. Lula da Silva i D. Ruseff) [L.S.Okuneva The human dimension of political leadership: psychological portraits of the presidents of Brazil Luis Inacio lula da Silva and D.Russeff]. — Iberoamerikanskije tetradj [Iberoamerican Notes]. Moscow, 2014, N 3; Э.С.Дабаян. Уго Чавес. Политический портрет. М., 2005 [E.S. Dabagyan. Ugo Chaves. Politicheskij portret] [E.S.Dabagyan. Hugo Chavez. The Political Portrait]. Moscow, 2005; Э.С.Дабаян. Риккардо Лагос. Политический портрет. М., 2006 [E.S.Dabagyan. Rikardo Lagos. Politicheskij portret] [Ricardo Lagos. The Political Portrait]. Moscow, 2007;

⁴ Э.С.Дабаян. Видные политические и государственные деятели Латинской Америки. М., 2015, с. 57.[E.S.Dabagyan. Vidnie politicheskie i gosudarstvennie deyateli Latinskoi Ameriki. М., 2015, s. 57. [Prominent political and public figures of Latin America]. Moscow, 2015, p. 57.

⁵ С.Болливар. Избранные произведения (речи, статьи, воззвания). М., 1983, с. 77. [S.Bolivar. Izbrannije proizvedeniya [rechi, statyi, vozzvaniya]. [Selected works (speeches, articles, appeals). Moscow, 1983, p. 77.

⁶ Э.С.Дабаян. Видные политические и государственные деятели Латинской Америки. М., 2015, с. 60.

⁷ Революция в церкви? (Теология освобождения): Документы и материалы. М., 1991, с. 261. [Revoluziya v Cerkvi (Teologiya osvobodnjenja) : Dokumenti i materiali М., 1991, s. 261] Revolution in Church? (Theology of Liberation): The documents and materials. М., 1991, p. 261.

⁸ Б.И.Коваль. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. [B.I.Koval Tragicheskaya geroika XX veka. Sudiba Luisa Carlosa Prestesa] [The tragic heroism of the twentieth century. Luis Carlos Prestes Destiny]. Moscow, 2005.

⁹ Л.С.Окунева. Человеческое измерение политического лидерства., с. 152—153.]

¹⁰ Ibid., p. 160—162.

¹¹ Ibid., p. 175—176.

Boris Koval (t.b.koval@yandex.ru)

Dr. Sci. (History), Principal Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

About the genre of portraiture in Russian Latin American scientific studies (creative heritage, the current state and perspective)

Abstract. The paper discusses the modern methods in humanities and the role of portraiture as a special genre of political science. The author focuses on the application of this method in the study of Latin America and expresses his opinion about the prospects of the portrait genre.

Key words: the portrait genre, praxeology and psychoanalysis, the modern achievements of Latin-American studies in Russia.